

В.Н. Шаганов

**Николай Гаврилович
Чернышевский на каторге и
в ссылке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Н. Шаганов**
Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке / В.Н. Шаганов –
М.: Книга по Требованию, 2019. – 48 с.

ISBN 978-5-517-96449-6

Воспоминания В.Н. Шаганова
Посмертное издание Э.К. Пекарского

ISBN 978-5-517-96449-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманию читателей воспоминания покойного Вячеслава Николаевича *Шаганова* были написаны имъ по моей просьбѣ въ 1882 году, когда авторъ жилъ на поселеніи въ Якутскомъ округѣ, въ селеніи Чурапча, Ботурусскаго улуса, и затѣмъ переданы авторомъ мнѣ, въ мое полное распоряженіе, вмѣстѣ съ имъ же написанными «Замѣтками для мемуаровъ». Какъ тѣ, такъ и другія были редактированы мною согласно желанію самого автора, заявившаго, что писалъ онъ спѣшно, нисколько не заботясь о литературной отдѣлкѣ своихъ воспоминаній (воспоминанія о Чернышевскомъ были написаны Шагановымъ въ два вечера). «Замѣтки для мемуаровъ» были помѣщены мною въ концѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ рукописномъ журналѣ «Улусный Сборникъ», издававшемся ссыльными Якутской области подъ редакціей покойнаго Василія Филипповича *Троцанскаю*, которому принадлежала и инициатива изданія, а «Воспоминанія о Чернышевскомъ»—въ рукописномъ же журналѣ «Якутскій Сборникъ» 1890 г., замѣнившимъ собою «Улусный Сборникъ» и издававшемся подъ новою редакціей извѣстнаго нынѣ литератора Василія Яковлевича *Яковлева-Боиучарскаю*, жившаго нѣкоторое время въ вышеупомянутомъ селеніи Чурапча. Имѣвшіеся у меня списки воспоминаній Шаганова постоянно обращались среди ссыльныхъ Якутскаго округа, причемъ «Замѣтки для мемуаровъ», содержавшія цѣнныя свѣдѣнія о старыхъ процессахъ и старыхъ ссыльныхъ Якутской области, затерялись неизвѣстно гдѣ и у кого, списокъ же воспоминаній о Чернышевскомъ сохранился (въ полуистлѣвшемъ отъ времени видѣ) до сего дня. Глава IV была помѣщена мною въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1900 г.,—съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями въ виду цензурныхъ условій того времени,—подъ заглавіемъ: «Беллетристика Чернышевскаго», а остальная часть, нѣсколько неожиданно для меня, появилась въ фельетонахъ иркутской газеты «Восточное Обозрѣніе» за ноябрь и декабрь мѣсяцы минувшаго 1905 г. (№№ 259, 264, 267, 274 и 280), также съ нѣкоторыми сокращеніями, но уже не вслѣдствіе цензурныхъ соображеній, а по личному усмотрѣнію издателя, съ немалымъ числомъ ошибокъ и грубыхъ опечатокъ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сличенія текста «Восточнаго Обозрѣнія» съ помѣщаемымъ ниже. Издатель, г. В. С. Е., въ выноскѣ къ заголовку,

представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ если бы самъ Шагановъ помѣстилъ свои воспоминанія въ рукописномъ «Сборникѣ» и мы оба, т.-е. г. В. С. Е. и я, черпали уже изъ этого источника, тогда какъ въ дѣйствительности «Сборникъ» получилъ матеріалъ изъ моихъ рукъ, а черезъ него, изъ тѣхъ же рукъ, и редакція «Восточнаго Обозрѣнія». О томъ, что авторъ предоставилъ рукопись своихъ воспоминаній въ мое распоряженіе, мною вполне опредѣленно—если не ошибаюсь, при жизни автора—было заявлено во введеніи къ помѣщенному въ «Русскомъ Богатствѣ» отрывку. Всѣ могущія появиться въ свѣтъ изданія воспоминаній покойнаго Шаганова будутъ лишь копіями съ моего черноваго экземпляра. Для настоящаго изданія воспоминанія эти мною заново редактированы, исправлены и снабжены необходимыми примѣчаніями.

Эд. Пенарскій.

Извѣстіе объ арестѣ Чернышевскаго. Приговоръ о ссылкѣ его въ каторжныя работы. Краткое содержаніе обвинительнаго акта.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1862 г. я ѣхалъ изъ Москвы въ Васильсурскъ. Въ Нижнемъ я сѣлъ на пароходъ, на которомъ оказалось семейство Н. Г. Чернышевскаго. Оно состояло изъ его жены, двухъ мальчиковъ-дѣтей Николая Гавриловича, жениной сестры—еще молодой дѣвушки лѣтъ 20—22,—ея брата, уже взрослога молодого человѣка лѣтъ подъ 20, оканчивавшаго курсъ въ одной изъ Петербургскихъ гимназій,—и еще какого-то гимназиста, помоложе перваго, тоже родственника жены Николая Гавриловича. Тогда еще молодой студентъ, только что перешедшій на 3-й курсъ,—понятно, съ какимъ любопытствомъ я глядѣлъ на семейство человѣка, столь знаменитаго по своей литературной дѣятельности. Я скоро познакомился съ братомъ жены Чернышевскаго, и онъ, какъ это водилось въ то время, сейчасъ же началъ посвящать меня во всѣ политическія интимности Петербурга и показывалъ прокламаціи (которыя тогда незнакомая между собою молодежь не стѣснялась сообщать другъ другу); вмѣстѣ съ тѣмъ мы толковали о М. Л. Михайловѣ, надъ которымъ тогда уже, кажется, состоялся приговоръ Суда Сената, и перелистывали послѣдній (майскій) номеръ «Современника», не предполагая, что онъ въ этомъ году точно послѣдній (съ этого номера правительство запретило «Современникъ» на 8 мѣсяцевъ). Не предполагало и семейство Чернышевскаго, что, по возвращеніи своемъ изъ Саратова (куда оно ѣхало), оно уже не найдетъ болѣе Николая Гавриловича на свободѣ. Н. Г. Чернышевскій былъ арестованъ, кажется, на дачѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ этого 1862 г.

Уже послѣ, только осенью, возвратясь изъ Васильурска отъ своихъ родныхъ въ Москву, я узналъ объ арестѣ Чернышевскаго. Извѣстіе объ этомъ поразило университетскую молодежь. Сначала думали, что это одно изъ послѣдствій крайней реакціи, наставшей вслѣдъ за петербургскими пожарами, и что все ограничится содержаніемъ его въ крѣпости въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока. Но время шло, реакція становилась ожесточеннѣе, а лѣтомъ 1864 г. появился въ газетахъ приговоръ о ссылкѣ Н. Г. Чернышевскаго на 14 лѣтъ въ каторжныя работы въ рудникахъ «за составленіе прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ и за вред-

ное направлѣніе, приданное журналу *Современникъ*... При окончательной конфирмаціи приговоръ этотъ былъ сокращенъ на половину.

Уже въ концѣ 1864 г., въ Москвѣ, въ домѣ одной московской уроженки (Калистовой), я снова встрѣтилъ жену Чернышевскаго и ея сестру. Я ее тутъ видѣлъ не болѣе двухъ разъ и узналъ черезъ Калистову, что, кажется, осенью 1864 г., Чернышевскій былъ увезенъ въ Сибирь и поселенъ въ Нерчинскомъ округѣ въ рудникѣ Кадая, гдѣ онъ живетъ съ М. Л. Михайловымъ отдѣльно въ одномъ домикѣ, внутри тюремной ограды. Вотъ и все, что узналъ я о Чернышевскомъ, когда былъ еще въ Россіи, да и всякій зналъ не болѣе, такъ какъ Чернышевскій могъ переписываться только съ женой. Свѣдѣній другимъ путемъ не приходило, и сама жена Чернышевскаго; очевидно, не любила сходиться съ новыми знакомыми, главнымъ образомъ, потому, какъ я слышалъ, что петербургская молодежь очень ужъ надоѣдала ей, лазя въ большомъ количествѣ, какъ къ женѣ своего любимѣйшаго публициста. Въ 1864 же году появился списокъ съ доклада секретаря сената присутствію сената по дѣлу Чернышевскаго ¹⁾. Это было нѣчто въ родѣ того, что теперь составляетъ въ дѣлахъ обвинительный актъ, но, въ то же время, это была вещь невѣроятная по тѣмъ, приведеннымъ въ ней, мотивамъ и quasi-фактамъ, на основаніи которыхъ обвинялся Чернышевскій. Видите-ли: дѣло начиналось съ того, что гвардейскій офицерикъ Всеволодъ Костомаровъ (племянникъ профессора Н. Костомарова) былъ отправленъ съ жандармами въ Тобольскъ за какія-то политическія провинности. Не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Тобольска, онъ сталъ разбирать свой чемоданъ, и оттуда выпало письмо Чернышевскаго въ Москву къ литератору Плещееву (бывшему петрашевцу). Въ этомъ письмѣ Чернышевскій, будто-бы, пишетъ, что воззваніе къ бывшимъ барскимъ крестьянамъ готово, но что въ Петербургѣ нѣтъ типографіи, гдѣ бы можно его напечатать, и проситъ Плещеева найти такую въ Москвѣ. Костомарова сейчасъ назадъ, въ Петербургъ (это уже было послѣ ареста Чернышевскаго), спрашиваютъ: какимъ образомъ у него очутилось такое письмо? Костомаровъ объясняетъ, что незадолго до своего ареста, лѣтомъ 1862 г., онъ ѣздилъ въ Москву и что Чернышевскій просилъ его отвезти письмо къ Плещееву. Письмо положилъ въ чемоданъ, но, когда пріѣхалъ въ Москву, отыскать его не могъ. Оказалось, что оно завалилось за верхнюю крышку чемодана, гдѣ и пребывало по сіе время. Ему, Костомарову, письмо это Чернышевскій отдалъ въ бесѣдкѣ, гдѣ тоже съ нимъ говорилъ о воззваніи къ крестьянамъ, которое должно было объяснить послѣднимъ

¹⁾ Такъ называемая „Сенатская записка“ о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго, появившаяся въ № 193 „Колокола“ за 1864 г., перепечатана въ „Матеріалахъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг.“ (Второе приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, издающимся подъ ред. *В. Базилевскаго*. Paris, 1905; русское изданіе—Слб. 1906), а также приведена цѣликомъ въ статьѣ *М. Ж. Лемке*: „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго“ (Былое 1906 г., № 5, май). *Э. П.*

ихъ печальное будущее, созданное экономическою стороною реформы освобожденія. Эти слова якобы слышали двое московскихъ мѣщанъ, случайно находившіеся въ то время позади бесѣдки ¹⁾. Затѣмъ въ докладѣ приводится письмо неизвѣстнаго изъ Москвы (тогда думали—Каткова) въ III-е отдѣленіе, гдѣ говорилось: «спасти Россію отъ этого умнаго социалиста, отъ этого ловкаго софиста, имѣющаго безграничное вліяніе на молодежь и готоваго затопить Россію кровью». Приводилась записка Герцена, звавшаго Чернышевскаго въ Женеву издавать «Современникъ», за невозможностью продолжать его направленіе въ Россіи. Приводилось мѣсто изъ письма Чернышевскаго къ его женѣ, уже посланнаго изъ крѣпости; это мѣсто письма, которое сочли нужнымъ привести, какъ доказательство сатанинской гордости автора, было слѣдующее: «я занятъ теперь мыслью написать энциклопедію знаній, какой не было со времени Аристотеля». Были и всякіе другіе курьезы въ этомъ докладѣ, которыхъ я уже не помню, но приведенные мною и есть самые главные. Чернышевскій отрицалъ письмо, представленное Костомаровымъ, и свой разговоръ съ нимъ въ саду. Разговоръ подтвердили подъ присягою московскіе мѣщане, а въ докладѣ даже не упомянуто, были ли вызваны эксперты для сравненія почерковъ Костомарова и Чернышевскаго.

II.

Краткія свѣдѣнія о пребываніи Чернышевскаго на которгѣ вмѣстѣ съ М. Л. Михайловымъ. Характеристика Михайлова, какъ человѣка, литератора и политическаго дѣятеля.

Продолжаю о Чернышевскомъ въ хронологическомъ порядкѣ ²⁾,

¹⁾ Въ „сенатской запискѣ“ упоминается только одинъ мѣщанинъ Яковлевъ, состоявшій у Костомарова переписчикомъ. Здѣсь я опускаю приводимый авторомъ воспоминаній разсказъ студента Ященко, напечатанный мною въ „Нашей Жизни“ за 1905 г. № 77, отъ 1-го февраля (см. также „Востокъ. Обзоръ.“ 1905, № 259), относительно роли двухъ московскихъ мѣщанъ въ дѣлѣ Чернышевскаго, въ виду несоотвѣтствія его съ истиною, какъ это явствуетъ изъ упомянутой выше статьи г. Лемке, назвавшаго, по видимому, именно это сообщеніе „непонятнымъ и спутаннымъ“ (см. „Былое“ 1906, № 3, стр. 143, выноска I-ая). *Э. П.*

²⁾ Чернышевскій родился 12 іюля 1828 г. въ Саратовѣ. Отецъ его былъ соборнымъ протоіереемъ въ этомъ городѣ. Въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ за 1862 годъ, гдѣ помѣщено публичное чтеніе Чернышевскаго о Добролюбовѣ, есть много чертъ изъ жизни самого Николая Гавриловича и его товарищей по саратовской семинаріи. Въ 1846 г. Чернышевскій поступилъ въ петербургскій университетъ по I-му отдѣленію философскаго факультета по общей словесности, гдѣ окончилъ курсъ въ 1850 году со степенью кандидата. Съ 1851 года былъ не долгое время учителемъ русскаго языка (исторіи?) въ Саратовѣ.—(Приводимыя здѣсь и ниже біографическія и бібліографическія свѣдѣнія проверены и исправлены по „Настольному Энциклопедическому Словарю“ Граната и К^о т. VIII, 5130. Въ томъ IX „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго“ упоминаемое авторомъ публичное чтеніе о Добролюбовѣ не значится въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ „Современникъ“ за 1862 г. *Э. П.*)

хотя то, о чемъ я буду говорить теперь, я узналъ уже въ ссылкѣ или отъ него самого, или отъ другихъ лицъ, знавшихъ его тоже въ ссылкѣ.

Чернышевскій долженъ былъ въ крѣпости давать массу объясненій на различныя мѣста цѣлаго вороха своихъ рукописей, которыя были забраны въ его квартирѣ. Рукописи были все научнаго содержанія, большею частью по политической экономіи. Чернышевскій самъ не предполагалъ, что его будутъ судить, ибо на самомъ дѣлѣ не было никакихъ данныхъ для обвиненія; онъ думалъ, что его будутъ держать въ крѣпости и продержатъ долго. Его знакомые, уже по объявленіи приговора, предлагали хлопотать, чтобы его оставили въ Петербургѣ въ крѣпости, по крайней мѣрѣ, подолье, но онъ самъ не согласился. И, какъ я уже говорилъ, онъ былъ отправленъ въ рудникъ Кадая на китайской границѣ. Тамъ онъ жилъ вмѣстѣ съ Мих. Лар. Михайловымъ, который при немъ и умеръ. Тамъ Чернышевскій написалъ и лучшіе свои романы: „Прологъ къ прологу“, „Дневникъ Левицкаго“ и „Прологъ“, содержаніе которыхъ вкратцѣ я изложу ниже. Тамъ и Михайловъ писалъ свои переводы иностранныхъ поэтовъ и сцены изъ быта первыхъ людей (по старой геологической теоріи катаклизмовъ или радикальныхъ переворотовъ земного шара). Большинство этихъ переводовъ было напечатано въ журналѣ „Дѣло“ конца 60-хъ годовъ. Жилось имъ обоимъ въ Кадаѣ недурно, насколько недурно можетъ жить государственный каторжникъ. Главное, хорошо то, что военнаго начальника не было, а былъ одинъ смотритель-старичекъ, человѣкъ простой и порядочный. Когда Шелгуновъ приѣхалъ туда къ Михайлову со своей женой, то г-жа Шелгунова прожила тамъ съ полгода въ деревнѣ при острогѣ, пока не узнало объ этомъ начальство, которое, приславъ за ней жандарма, и препроводило ее съ нимъ въ Петербургъ. Самого Шелгунова за это сослали въ Тотму (Вологод. губ.), а старичка-смотрителя Кадая прогнали со службы. Несчастный Михаилъ Ларіоновичъ постоянно дѣлалъ мысль о бѣгствѣ. У него даже собрано было на это рублей до 700, но онъ имѣлъ неосторожность вѣрится одному авантюристу, баварскому подданному Бончару (сосланному за польское возстаніе), который взялъ у него эти деньги въ видахъ распорядженія ими въ пути во время побѣга и въ самомъ дѣлѣ сбѣжалъ, устроивъ такъ, что начальство перевело его въ другой заводъ. Можетъ быть, это происшествіе, т.-е. исчезновеніе надежды на побѣгу, и увозъ г-жи Шелгуновой и ускорили смерть Михайлова. Михайловъ былъ человѣкъ крайне впечатлительный, по рассказамъ—натура женственная и глубоко чувствительная. Онъ, конечно, всегда былъ литераторомъ съ честными убѣжденіями, но еще въ концѣ 50-хъ гг. былъ далекъ отъ политической дѣятельности. Г-жа Шелгунова указала ему этотъ путь, какъ болѣе достойный честнаго человѣка въ то незабвенное время. И онъ, осенью 1861 г., выпустилъ свое воззваніе къ молодому поколѣнію и два или три нумера листка „Великорусскъ“, имѣвшіе невѣроятный успѣхъ. Человѣкъ не

съ особенно яркимъ литературнымъ талантомъ и политикъ болѣе по чувству, онъ чутѣемъ своей нервной природы формулировалъ, въ своемъ „Великоруссѣ“, самыя задушевные стремленія тогдашняго русскаго общества—федеральную конституцію со свободой Польши, а въ воззваніи къ молодому поколѣнію указалъ молодежи въ ней самой новую грядущую силу—искупителей Россіи. Кто изъ моихъ сверстниковъ не помнитъ его отвѣтнаго стихотворенія къ петербургскимъ студентамъ? Во время студенческой демонстраціи въ Петербургѣ, въ концѣ октября 1861 г., до 300 студентовъ были отвезены въ Кронштадскую крѣпость, гдѣ и пробыли въ заключеніи около мѣсяца. Тамъ они узнали о приговорѣ надъ Михайловымъ, осуждавшемъ его въ рудники, и написали ему прощальное письмо въ стихахъ:

„Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Да утишить въ часъ скорбной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!
„Проклятымъ рокомъ самовластья
Не суждено тебя обнять ¹⁾
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать“.

Михайловъ отвѣтилъ студентамъ;

„Дружно, крѣпко всѣхъ въ объятъя
Васъ бы, братья, заключилъ
И надежды и проклятыя
Съ вами вмѣстѣ раздѣлилъ.

* * *

„Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонить въ снѣжные сугробы,
Въ мракъ и холодъ рудника!

* * *

„Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Въ сердца свято сохраню.

* * *

---

¹⁾ Существуетъ вариантъ послѣднихъ двухъ стиховъ:

Подъ тяжкимъ игомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять и т. д.

Во второмъ приложеніи къ сборникамъ г. Базилевскаго (стр. 24 париж. изд.) и въ январской книжкѣ „Былого“ за 1906 г., въ ст. г. Лемке: „Дѣло М. И. Михайлова“ (стр. 112—113), какъ это стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Узнику“, состоящее всего изъ 5 строфъ, такъ и отвѣтное стихотвореніе Михайлова приведены цѣлкомъ съ нѣкоторыми незначительными вариациями. Надо полагать, что автору воспоминаній память нѣсколько измѣнила и онъ сдѣлалъ невольныя отступленія отъ оригинала. Э. П.

..Въ безысходной мглѣ изгнанья
Буду твердо свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

* * *

„Будь борьба успѣшнѣй ваша,
„Встрѣть въ бою побѣда васъ...
„И минуй васъ эта чаша,
„Отравляющая насъ!“

* * *

Есть еще у Михайлова, написанное, кажется, на пути въ Сибирь, прелестное стихотвореніе, описывающее этотъ многострадальный путь многихъ тысячъ людей и суровую природу этого края. Стихотвореніе довольно большое, и я его не помню.

Да, Михайловъ произвелъ громадное впечатлѣніе на общество. Когда его везли въ Сибирь, во многихъ городахъ Россіи встрѣчали его оваціи. Особенно сильны онѣ были въ Тобольскѣ, гдѣ съ Михайлова даже сняли портретъ во весь ростъ, въ арестантской одеждѣ и въ кандалахъ, сидящимъ передъ рѣшетчатыми воротами тобольскаго острога. Кажется нѣкоторые тобольскіе чиновники заплатились за эти оваціи ¹⁾...

III.

Характеристика Чернышевскаго, какъ человѣка, писателя и мыслителя.

Чернышевскій началъ свою литературную дѣятельность (какъ онъ самъ рассказывалъ) съ первой половины 50-хъ годовъ помѣщеніемъ рецензій въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Затѣмъ въ 1855—1856 г., въ «Современникѣ» Некрасова, онъ помѣстилъ «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», въ которыхъ объяснялась дѣятельность Бѣлинскаго, но самое имя послѣдняго еще не могло быть названо. Въ 1856 же году въ «Современникѣ» появилась кандидатская диссертация Чернышевскаго, написанная имъ гораздо ранѣе: «Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность». Свой трактатъ: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» (напечатанъ въ 1855 г.) Чернышевскій представлялъ какъ диссертацию на магистерскій экзаменъ при филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета, но, конечно, такой трактатъ тамъ не могъ быть одобренъ. Въ 1858 году, по приглашенію редакціи «Современника», Чернышевскій переѣхалъ изъ Саратова въ Петербургъ. Тогда же ему предлагалъ сотрудничество

¹⁾ См. о нихъ въ статьѣ Шелгунова: «О прошломъ и настоящемъ». — „Подробнѣе въ „Сибирскомъ Листкѣ“ за 1905 г.“ (Вост. Обзор. 1905, № 259, примѣчаніе В. С. Е. къ „Воспоминанію о Чернышевскомъ“). Описанный авторомъ портретъ помѣщенъ во второмъ приложеніи къ сборникамъ г. Базилевскаго. *Э. П.*

Катковъ въ своемъ (еще конституціонномъ) «Русскомъ Вѣстникѣ», но изъ московскихъ журналовъ Чернышевскій только въ журналѣ «Атеней», издававшемся, кажется, кружкомъ молодыхъ учителей, помѣстилъ свою статью: «Русскій человѣкъ на rendez-vous». Дальнѣйшая его литературная дѣятельность болѣе или менѣе извѣстна. Вся она сосредоточивалась въ журналѣ «Современникѣ», въ которомъ Чернышевскій, сверхъ своихъ трудовъ, долженъ былъ дирижировать и всей редакціей, а кто не знаетъ, какой это ужасный трудъ! ¹⁾

Всѣ статьи Чернышевскаго опираются на научныя данныя; онъ старается, прежде всего, утвердить ясное, логическое понятіе о трактуемомъ предметѣ, изложить его принципъ, предоставляя каждому самому справляться съ деталями вопроса. Мысль Чернышевскаго вездѣ ясна, выраженія точны и немногословны. Оттого такъ громадно было его вліяніе на современное общество). Для Чернышевскаго всего дороже указаніе на корень вещи, на центръ тяжести вопроса. Онъ не ведетъ, а только выводитъ на прямую дорогу общественной дѣятельности. Онъ не хочетъ указывать способы этой дѣятельности, но онъ указываетъ ея цѣль, идеаль — «*Salus populi lex suprema est*», какъ онъ говоритъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Миллю. Онъ показываетъ, въ статьѣ «Антропологической принципъ въ философіи», чтѣ должно быть предметомъ заботъ для человѣка. Въ наиболѣе прославившейся статьѣ своей «Капиталъ и трудъ» (по поводу сочиненія И. Горлова: «Начала политической экономіи») Чернышевскій выясняетъ, кому служить политическая экономія, и предсказываетъ, что она скоро должна будетъ перемѣнить своего господина, а въ разсказахъ изъ исторіи Франціи при июльской монархіи онъ иллюстрируетъ эту службу quasi-экономической науки дѣяніями новѣйшихъ ея апостоловъ: буржуазіи и излюбленнаго ею короля Луи Филиппа.

Я здѣсь не резюмирую литературной дѣятельности Чернышев-

---

¹⁾ Объ участіи Чернышевскаго въ журналѣ военнаго министерства я постараюсь сказать послѣ по поводу Сѣраковскаго—офицера генеральнаго штаба.—(Авторъ своего обзданія не выполнилъ, такъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ воспоминаній объ участіи Чернышевскаго въ названномъ журналѣ ничего не говорится. Э. П.).—Вмѣстѣ съ Добролюбовымъ Чернышевскій издалъ двѣ книжечки: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, составленную имъ самимъ (перепечатана въ т. X, ч. 2, „Полнаго собранія сочиненій“), и „Кольцовъ“, составленную Добролюбовымъ. Онѣ предназначались для дѣтскаго чтенія и содержали въ себѣ біографіи обоихъ поэтовъ и избранныя стихотворенія изъ нихъ—въ текстѣ же біографій.

²⁾ Газета „Страна“, въ одной изъ своихъ статей за 1881 г., причислила Чернышевскаго къ катедеръ-соціалистамъ. Последніе, когда о чемъ хорошемъ думали, имѣли привычку никогда не додумывать: рѣшаясь касаться вопроса, они трусили при самомъ началѣ, и тамъ, гдѣ не было никакой опасности рѣшать радикальнѣе, они всегда рѣшали наполовину. Катедеръ-соціалисты похожи на тѣхъ ученыхъ богослововъ, которые хотѣли примирить науку съ религіей. Надо было не читать ни строчки изъ Чернышевскаго, чтобы причислить его къ этой фракціи ученыхъ экономистовъ. Въ извѣстныхъ примѣчаніяхъ къ „Политической экономіи“ Милля Чернышевскій самъ упрекаетъ Луи-Вяна за то, что тотъ въ своей „Organisation du travail“ рѣшалъ вопросъ только наполовину, т. е. собственно ничего не рѣшалъ...

скаго, а только просто передаю современныя впечатлѣнія (отъ этой дѣятельности) университетской молодежи и лучшей части общества. Онъ никого не призывалъ къ бунту или возстанію, но онъ слишкомъ ярко и неотразимо объяснялъ положеніе общества и слишкомъ много давалъ матеріала для разоблаченія людской глупости—съ одной и подлости—съ другой стороны. Во всѣхъ вопросахъ онъ неуклонно стоялъ на экономической ихъ сторонѣ, не упоминая о политической формѣ. Но кто захотѣлъ бы подумать о логическомъ продолженіи его принциповъ или спросить его лично, тотъ, несомнѣнно, получилъ бы отвѣтъ, что людскія дѣла дѣлаются, конечно, людьми, а отъ различной группировки элементовъ власти будетъ зависѣть и то, что они именно сдѣлаютъ. Единственная вина Чернышевскаго была та, что это—человѣкъ съ выдающимся умомъ (что, къ несчастью, въ нашей странѣ составляетъ слишкомъ рѣдкій даръ Божій), что его логика неотразима и что, въ какой бы средѣ знанія ни работалъ этотъ умъ, онъ равно будетъ опасенъ, такъ какъ заставитъ логически мыслить своихъ учениковъ.

«Именемъ твоимъ изгоняются бесы». Эти слова изъ Евангелія Іоанна прямо примѣняются къ Чернышевскому. Гдѣ звучало его слово, тамъ пропадалъ мракъ, оттуда бѣжали фантомы человечества, тамъ дрожала несправедная власть за свой престижъ передъ массою...

Я приведу здѣсь два потѣшныхъ анекдота, ярко рисующихъ популярность Чернышевскаго и внушаемый имъ страхъ, въ 1-ой половинѣ 60-хъ гг. Оканчивая курсъ въ 1864 г. въ московскомъ университетѣ, я на лѣто искалъ себѣ скромный уголокъ для занятій и нашелъ гдѣ-то на пустырѣ (около Патріаршихъ прудовъ), на большомъ дворѣ, нѣчто въ родѣ коттеджа, обитаемаго будочникомъ (такъ назывались по-московски городовые) и его супругой. Я нанялъ у нихъ отдѣльную комнату. Будочникъ мой оказался политикомъ: читалъ «Московскія Вѣдомости» и исторію Фридриха Великаго (единственная его книга). Но къ нему ходилъ часто въ гости братъ его жены, кондукторъ желѣзной дороги, который читалъ только «Современникъ», специально старыхъ годовъ и специально ради статей Чернышевскаго. Я нарочно не вступался въ ихъ дебаты, когда кондукторъ громилъ Каткова, а будочникъ защищалъ его. Дѣло доходило до очень крупныхъ рѣчей.

Другой анекдотъ разсказалъ самъ Чернышевскій. Въ маѣ 1862 г., въ самое время петербургскихъ пожаровъ, рано поутру врывается въ квартиру Чернышевскаго Ѡ. Достоевскій и прямо обращается къ нему съ слѣдующими словами: «Николай Гавриловичъ, ради самого Господа, прикажите остановить пожары!..» Большого труда тогда стоило, говорилъ Чернышевскій, что-нибудь объяснить Ѡ. Достоевскому. Онъ ничему вѣрить не хотѣлъ и, кажется, съ этимъ невѣріемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ убѣждалъ обратно.

Кто читалъ сочиненіе Стэнли объ отысканіи имъ Ливингстона, тотъ, вѣроятно, помнитъ характерную сцену самой встрѣчи Стэнли